

Ленинградский театр миниатюр

Спектакли в «Эрмитаже»

ИСКУССТВО театра миниатюр своеобразно и сложно. У актера здесь нет развернутой роли, литературный материал ее ограничен, психологические характеристики сведены к минимуму. Сценический образ строится лаконично, с максимальной реакцией изобразительных средств, подчас на одной детали, на одной черточке характера. Каждое слово, каждый жест здесь должны быть предельно выразительны, почти филигранно отточены — искусство миниатюры во всех его жанрах неизбежно требует такой филигранности.

Настоящие актеры знают секрет такого искусства. В этом убеждаешься на спектаклях Ленинградского театра миниатюр, когда видишь Арвида Райкина. Вероятно, Райкин был бы отличным актером в любом комедийном театре. Но он предпочел искусство миниатюры. И сумел показать, что может сделать актер в театре миниатюр и как должен играть актер на сцене такого театра.

Каждая миниатюрная роль Райкина — это живой человеческий характер, очерченный резкими, очень выразительными, почти выпуклыми штрихами. Комическая подчеркнутость смешных деталей, необходимое сатирическое преувеличение никогда не переходят у Райкина в карикатуру. Герои его — это люди, которых мы знаем, с которыми встречаемся ежедневно на улице, в метро, в магазине, в кабинетах и канцеляриях учреждений. Вотричи эти чуть-чуть приоткрывают характер человека, порой обнаруживают всего лишь одну его очень типичную черточку, но в этом «чуть-чуть» раскрывается подчас выразительный и меткий портрет. Именно таковы и сценические портреты Райкина.

В этих портретах нет повторений, автор не обкрадывает себя, не допускает штампа. Вот, например, набросок «снабженца» — нахала и жулика, ловко надувавшего различные доверчивых администра-

тивов. Конферансье Райкин, секунду назад спокойно объявлявший очередную номер программы, буквально перерождается у вас на глазах. Меняются внешность, походка, голос. Актер играет без всякого грима, но его жесты и интонации в точности воспроизводят комический портрет человека, которого вы где-то когда-то видели. Вот — другая сценка. Перед вами — скромный, тихий, немножко старомодный, застенчивый ленинградец, человек, органически ненавидящий всякую грубость и неделикатность. Седая шевелюра, пенсне, чужуевый пиджак, галоси. Может быть, старый доктор, может быть, учитель музыки. Со всем этим манеры, совсем другая походка, речь, даже тембр голоса. И опять почти мгновенное перевоплощение: Райкин играет человека, возвращающегося домой и по ошибке попадающего в чужую квартиру. Здесь интересен не образ, а сценический прием, пластика, жест. Вся эту сцену Райкин ведет один, без партнеров, разыгрывая ее в жанре чисто цирковой клоунады. И, надо сказать, представительно этого жанра в цирке есть чему поучиться у Райкина.

«Миниатюры» Райкина всегда вызывают дружный смех в зрительном зале. И не потому, что смешной текст — его остроумие порой весьма проблематично, а иногда и совсем сомнительно, — но именно потому, что актеру особенно свойственно чувство смешного. Читая «Энциклопедические книжки» Ильфа, пони-

маешь, что значит обладать этим чувством. Писатель умел увидеть и показать смешное в самых обыденных житейских явлениях. Острым чувством смешного и в его сценическом преломлении обладает и Райкин. Он умеет расшевелить одним словом, одной интонацией. Чувство юмора свойственно ему и как режиссеру, умеющему подчеркнуть комизм сценической ситуации, найти эффектную юмористическую концовку.

Спектакли его театра напоминают страницы юмористического журнала, редактор которого заботливо подбирает комически заостренный равнообразный материал. Есть здесь и фельетон, и сатирическая бытовая сценка, и политический памфлет, и иностранный юмор. Но Райкин-редактор — пожалуй, наименее удачная роль его в этом театре. Его «журналу» не хватает яркого литературного материала, сатирической остроты, политической влюбленности. В спектакле преобладают сценические безделушки, бытовой анекдот, и притом не всегда добротачественный (в особенности это относится к некоторым «пескам-минуткам» из цикла «МХЭТ» — жанра, заимствованного у Львовского театра миниатюр). И очень жаль, что «иностранный юмор», одна из несомненных «редакторских» находок Райкина, представлен только одной, к тому же посредственно разыгранной сценкой. Райкин в ней не участвует, а ансамбль в театре нет. И здесь еще

раз убеждаешься в том, что это театр одного актера.

Композиционно его программа строится как сатирически-бытовое обобщение со вставными эстрадными номерами. Эстрадный орнамент подобран неплохо. В спектакле есть и исполнителицы лирических песенок Рыжова и Копеллянская, и пресловутое цирковое трио (акробаты Мартынова, Шелко и жонглер Савченко), и уже знакомая москвичам камерная певица Кульчицкая.

Неожелательно слов о включенном в программу фельетоне Смирнова-Солдатовского. Это — равернутый монолог на тему о нашей жизни, о чувствах советских людей, о том, что их волнует, радует и тревожит. Жанр этот объединяет и публицистический лифос, и сатирическую наемку, и лирику, и юмор. Трудность здесь в том, что все авторы такого фельетона должны быть одинаково остры по форме, лаконичны, эмоционально сильны и по-настоящему публицистичны. Трудность эту артист преодолеть не сумел. Вспорно удачные места перемежаются со слабыми, хорошие публицистические отроки соседствуют с неумным анекдотом, меткая реплика притуляется в окружении неудачных остроф. В общем фельетон, нитересный по замыслу, явно нуждается в серьезной доработке, в тщательной отделеке и текста и его сценической интерпретации.

А. Рославлев.

ПЕЧЕРНАЯ МОСКВА

гор. Москва

- 5 ИЮЛ. 1944